

Władimir Gienkin

Белорусская катойконимия на фоне этноязыковых контактов

Acta Polono-Ruthenica 7, 133-139

2002

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Władimir Gienkin
Uniwersytet w Witebsku

Белорусская катойконимия на фоне этноязыковых контактов

Формирование белорусской топонимии осуществлялось на фоне активных межъязыковых и межэтнических контактов. Белорусские земли не раз становились перекрестком культурных традиций, языков и религиозных конфессий. Данное обстоятельство во многом обусловило специфику географических названий Беларуси, которые в концентрированной, сжатой, а подчас и в скрытой форме запечатлили и сохранили следы этих контактов.

Наиболее отчетливо этноязыковые контакты проявились в двух обстоятельствах:

1. появлении ряда этнотопонимов;
2. видоизменений географических названий под влиянием другого языка.

В белорусской топонимике уже предпринимались попытки проанализировать эти две проблемы. Так, этнотопонимы наиболее полно описаны А. Ф. Рогалевым (1993), а вопросов иноязычного влияния на белорусскую топонимию неоднократно касались многие исследователи.

Следует отметить, что непосредственным объектом исследования, как правило, становились только сами географические названия, обычно гидронимы и ойконимы, реже некоторые иные разновидности топонимов. На наш взгляд, более широкие перспективы откроет такой подход, когда топонимия будет рассматриваться не как совокупность топонимов, а как система, включающая, помимо самих географических названий, и некоторые иные разряды лексики, например названия лиц по местности, микротопонимию и др. Особо интересной, весьма информативной для исследователя-топонимиста, по нашему мнению, является катойконимия.

Словарь русской ономастической терминологии Н. В. Подольской трактует понятие „катойконим” как „нарицательное именование

жителей по названию места жительства (оттопонимное образование)” (Подольская 1988: 64–65), что с точки зрения современных отношений (в том числе словообразовательных) внутри топонимической системы совершенно справедливо. При рассмотрении же в диахроническом аспекте роль катойконимов в топонимической системе возрастает, а их деривативные отношения с топонимами усложняются.

Но и в современном языке катойконимы представляют собой уникальный пласт лексики, аккумулирующий и длительное время сохраняющий ценнейшую историко-культурную информацию о материальной и духовной жизни народа. Будучи частью топонимической системы, они существенно дополняют (а часто и значительно расширяют) наши знания о топонимии того или иного региона. В отличие от самих топонимов, катойконимы более „естественны” и консервативны, в силу своей специфики более замкнуты во внутриязыковых, внутридиалектных и даже внутрорегиональных рамках. Они значительно менее подвержены внешнему влиянию, хотя далеко не всегда могут избежать его. Некоторая закрытость катойконимов от социолингвистических процессов, вносящих изменения в топонимию, объясняется территориальной ограниченностью их употребления, невхождением данных номинаций в официально-деловую речь. Когда изменения в топонимию вносились административно-насильственным путем, катойконимия, как правило, оставалась вне такой „реформы”. Таким образом, можно предположить, что катойконимия запечатлевает в основном значительные, глубинные изменения, произошедшие в топонимии.

Все это и побуждает нас проявлять повышенное внимание именно к катойконимам, которые мы намерены рассматривать в их тесной взаимосвязи с топонимами и с учетом не только современного состояния, но и в плане ретроспективы. Диахронический анализ может быть особенно эффективным, хотя бы потому, что собирательные формы названий жителей по местности отнюдь не всегда были вторичны (и в словообразовательном, и в семантическом планах) по отношению к топонимам. Нередко они сами становились базой, на которой формировались географические названия.

Вначале о роли и месте катойконимов в формировании этнотопонимии. Этнотопонимы (т. е. географические названия,

мотивированные названиями этническими) достаточно разнообразно представлены на карте Беларуси. Так, на территории современной Витебской области около 3% названий населенных пунктов несут в себе информацию этнического характера. Вообще же, по подсчетам А. Ф. Рогалева, в белорусской топонимии отражены 70 этнических имен и их форм (Рогалев 1993: 20). Для нас особенно важным представляется тот факт, что абсолютное большинство из них являются в первоначальном виде собирательными названиями лиц: *болгары, видзы, волохи, волынцы, дулебы, жемайты, курляндики, латышы, литвины, литвяки, мазуры, москали, прусы, поляки, русаки, татары, чехи, ятвяги* и др. Как известно, распространение этнического названия на определенную территорию, занимаемую представителями данного этноса, осуществлялось уже в самой глубокой древности. В сложных этногенетических процессах, происходивших на территории Беларуси, участвовали многие родственные и неродственные народы, что отчасти видно из приведенных примеров.

Очевидно, что в дотопонимический период и в течение длительного времени после топонимизации эти лексемы играли двойную роль. С одной стороны, они были собирательными названиями людей, объединенных национальной общностью и компактно проживающих на той или иной части белорусской территории. С другой стороны, они выполняли роль топонима, т.е. называли не жителей, а место. Естественно, происходила постепенная топонимизация таких названий, но процесс трансформации этнонима в топоним осуществлялся через катойконим. Другими словами, этнонимы, имевшие, как правило, форму множественного числа, использовались не как совокупные обозначения всех представителей той или иной национальности, а в качестве собирательных названий группы лиц, проживающих в одном населенном пункте, то есть первоначально становились катойконимами. Затем уже не на базе непосредственно этнонима, а от катойконима лексико-семантическим способом образовались топонимы.

В период топонимизации многие этнонимы „обросли” топонимическими формантами и стали структурно отличаться от катойконимов, которые также значительно видоизменились. Наблюдения над современной катойконимией дают небольшое

количество примеров структурного совпадения названий лиц по местности с этнонимами. Это, как правило, отмечается, когда не утратилась „прозрачность”, „понятность” этнонима: *Татары* (населенный пункт и жители населенного пункта в Мерском районе Витебской области); *Валынцы* (Верхнедвинский район); *Швяды* (Браславский р-н) и др. Правда, многие из них имеют параллельные формы именованя жителей по местности: *татарцы*, *швядоўцы*. Можно заметить попутно, что в представлении современного человека прямая ассоциативная связь между этнонимом и топонимом стирается, утрачивается, а сам топоним как бы дистанцируется от этнонима, роль географического названия сужается только до указания на обозначаемое место. Наши наблюдения позволяют утверждать относительно ряда этнотопонимов (например, *Видзы*, *Латыголь* и др.), что информация об их этнониме-первоисточнике для большинства носителей языка оказывается имплицитной, скрытой.

Вторая из обозначенных нами проблем этноязыкового взаимодействия в области топонимии и катойконимии – это проблема иноязычного влияния на топонимическую систему. Катойконимы испытывают это влияние по двум направлениям: прямого и опосредованного влияния. Прямое влияние отмечается тогда, когда изменяется словообразовательная структура катойконима, в котором появляются нехарактерные для белорусского языка форманты. Такое влияние возможно только при условии видимых различий в морфемных системах двух языков, поэтому (о чем речь пойдет несколько) белорусско-русское двуязычие не коснулось напрямую сферы оттопонимного словообразования. Как отмечает А.А. Лукашанец, „тождественными словообразовательными формантами в русском и белорусском языках можно считать такие аффиксы, которые, совпадая формально, имеют одинаковые словообразовательные значения, совпадают и по стилистической маркированности, и по словообразовательной активности. Регулярные фонетические и орфографические расхождения при этом не могут приниматься во внимание” (Лукашанец 1985: 69).

Белорусско-польский билингвизм, напротив, сказался в первую очередь в сфере словообразования катойконимов. Например, на территории некоторых районов Витебщины, ранее (до 1939 года) входивших в состав Польши, нами зафиксирована словообразо-

вательная модель оттопонимных прилагательных с суффиксом *-ов-*: *астравішковы* (от *Астравішкі*), *бартэлішковы* (от *Бартэлішкі*) и др. Появление данной словообразовательной модели объясняется прямым влиянием польского языка. Существенную роль здесь играет и этнографический фактор: население указанных деревень является польским, а в большинстве соседних населенных пунктов проживают белорусы и представители других национальностей.

В периоды, когда, в силу политических причин, польское влияние было более интенсивным, появлялись и другие катойконимы-полонизмы. Наиболее яркой из таких лексем является форма *витебсцы*, не вписывающаяся ни в одну из известных белорусских словообразовательных моделей и не зафиксированная *Гістрычным слоўнікам беларускай мовы*. Данная форма номинации жителей города Витебска обнаружена нами в документе, именуемом *Копія жыдоўскіх прывілеяў* и датированном 1664-ым годом:

„А колі па універсалу яснаасвечанага князя, Вялікага гетмана Вялікага княства літоўскага дзве валонтрысцкія харугвы, адна ротмістра Шчаўгелы, а другая пана Станіслава Станішэўскага, ідучы на Езярышча, прыйшлі ў Віцебск і якіх гараджане-віцебсцы перад наступаючай аблогай у горад пусціць і прыняць не захацелі, тады ж небаракі жыды гэтыя харугвы, саміх ротмістраў, таварыства, чэлядзь і іх коней стрававалі некалькі дзен”.

Разумеется, мы не можем со стопроцентной уверенностью утверждать, что появление в рукописи слова *віцебсцы* не явилось результатом ошибки переписчика. Хотя заметим сразу, что даже если это и ошибка, то ошибка весьма показательная. Как свидетельствует анализ письменных памятников, переписчикам того времени очень часто приходилось в своей работе сталкиваться с такой группой слов, как катойконимы, и, следовательно, переписчики не могли не знать употребляемых в речи форм именования жителей. С другой стороны, употребляя редкую или вовсе новую форму номинации, переписчик должен был счесть ее вполне возможной. А о том, что лексемы, сходные по словообразовательной структуре с катойконимом *витебсцы*, употреблялись хотя и довольно редко в письменной речи, можно говорить вполне уверенно. Например, в *Дневнике Евлашевского* на стр. 6 встречаем этноним *литевсцы*, на стр. 39 – катойконим *мышсцы*, а в *Хронике начала XVII века* М. Стрыйковского упоминаются *княжата гедройсцы*. Следует отметить и тот факт,

что рассматриваемый документ, написанный латиницей на белорусском языке, в целом выглядит достаточно грамотным.

Нельзя также не подчеркнуть, что термин *ошибка* в применении к оттопонимным производным имеет весьма специфический, относительный характер. Оттопонимная лексика – ненормированный пласт лексики (причем, ненормированный до сих пор), что само по себе является причиной возникновения параллельных форм номинации. Таким образом, катойконим *витебцы*, очевидно, был заимствован из польского языка. Точнее даже говорить о заимствовании не самой лексемы, а словообразовательной модели. Сейчас нельзя с абсолютной уверенностью утверждать или отрицать факт использования катойконима *витебцы* в устной речи. Но даже если данная модель номинации жителей города Витебска и существовала, то, очевидно, была воспринята белорусами как чужая и не прижилась.

Как уже отмечалось, говорить о прямом влиянии русского языка на белорусскую катойконимию достаточно сложно в силу тождественности белорусских и русских словообразовательных формантов, участвующих в оттопонимном словообразовании. Поэтому русское влияние на белорусскую оттопонимную лексику осуществлялось в основном опосредованно, т.е. через топонимию. Такое влияние привело либо к русификации исконно белорусских топонимов (*Жыгулі* вместо *Жагулі*; *Чытаполле* вместо *Часнаполле*), либо к появлению явно русских названий, сформированных на базе русских онимов или апеллятивов: *Рошча*, *Рамашкі*, *Кіраўскі*, *Чанаеўская* и др. Постепенная приживаемость таких топонимов вызвала к жизни и появление оттопонимных дериватов, образовавшихся уже от новых, русских или русифицированных названий: *рошчаўцы*, *рамашкаўцы*, *чыстаноўцы*, *акцябарцы* и др. Причем наличие опосредованно русифицированных катойконимов может как раз и служить своеобразным индикатором „приживаемости” чуждых названий, свидетельством того, что русское влияние пустило живые корни на поле белорусской топонимии, ибо катойконимы обычно не воспринимают сиюминутных „колебаний” топонимической системы.

Подводя итог сказанному, подчеркнем главное.

1. Подробное изучение катойконимии существенно дополняет наши знания о топонимии, так как формы именованья лиц по месту жительства представляют собой весьма важную и особо

информативную для исследователя часть топонимической системы. Понятие „топонимическая система” целесообразно рассматривать широко, включая в него, помимо самих топонимов, еще и другие пласты лексики: катойконимы, микротопонимы и т. д.

2. Активные этноязыковые контакты, в условиях которых формировалась и существовала на протяжении длительных периодов белорусская топонимия, сказались не только на ойконимах, но и на всей топонимической системе.

3. Катойконимия, как наиболее консервативная часть топонимической системы, зафиксировала наиболее существенные изменения, произошедшие в топонимии.

4. Этноязыковое взаимодействие отразилось в:

а) переходе этнонимов в катойконимы с последующей их топонимизацией;

б) появлении номинаций, оформленных нехарактерными для белорусской речи словообразовательными формантами, что явилось результатом взаимодействия с неблизкородственным языком (польским);

в) опосредованной (через топонимию) русификации названий жителей по местности.

Литература

- Лукашанец А. А. (1985) *Реальная и потенциальная интерференция в условиях близкородственного двуязычия: Словообразование [в:] Питанні білінгвізму і ўзаемадзеяння моў*, Минск.
- Подольская Н. В. (1988) *Словарь русской ономастической терминологии*. 2-е изд., испр. и дополн., Москва.
- Рогалев А. Ф. (1993) *Этнотопонимия Беларуси (на фоне этнической истории)*, Гомель (и др. работы).